

АЛЕКСАНДР КОЛУПАЕВ

Когда
отцветает
папоротник

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Александр Колупаев

Когда отцветет папоротник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Колупаев А. А.

Когда отцветет папоротник / А. А. Колупаев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Детство... Самая необыкновенная и счастливая пора в жизни каждого человека. В детстве мы все так спешим стать взрослыми, а повзрослев, стремимся хоть на часок вернуться обратно. Шестеро неразлучных друзей пытались найти цветок папоротника. Клад, вот что интересовало их! И не беда, что колдовская сила лепестков этого цветка, могла изменить судьбу каждого из них, азарт исследователей оказался сильнее ночных страхов. Все рассказы в этой книге, про жизнь и о жизни.

Когда отцветет папоротник.

Спросите жителя любой русской деревни, той, что располагается в глубинке, вдали от шумных городов и оживленных трактов. Спросите: «Какой старинный праздник считается самым загадочным и таинственным?» Почти любой, не задумываясь, скажет: «Ночь накануне Ивана Купалы».

Из дремучей глубины веков восходит к нам этот таинственный и загадочный праздник славян, полный обрядов и тайн. Овеян он и необычными легендами и преданиями.

Одну из них поведала мне, еще деревенскому мальчишке, моя бабушка.

Не спеша, чуть надтреснутым от старости голосом, рассказывала она окружившей её ребятне и разинувшей рты от изумления и благоговейного страха, легенду древнюю, словно славянский бог Сварог, легенду о колдовских чарах таинственного цветка папоротника.

– А цветет та папорота только одну ночь, как раз на Ивана Купалу, да ровно в глухую полночь раскроет свои лепестки. Их у неё семь, и каждый свое волшебство имеет! Один – любой замок, любые оковы разрежет, какое жалецо не возьми... Другой, допустим, заговор какой хошь сымет ежемоментно! Третий, скажем, наоборот, приворожит, присушит, да так, что и до самой смертушки не опустит. А есть еще черный лепесток, тут как повернется, либо твою недруга со свету сживет, али сам ни за что ни про что сгинешь! Но главная колдовская сила в том цветке папрота – это вот такая: любой клад откроет. Забогатеешь, знамо дело, враз и заживешь – сыт и пьян и нос в табаке!

Нос в табаке и пьяному быть нам по малости лет не хотелось, а вот сытому – это да, это очень даже неплохо выглядело в те голодные послевоенные годы. Вот если бы найти клад да разбогатеть! Это сколько можно было бы купить шоколада! Стоил он тогда дорого, на среднюю зарплату колхозника можно было купить всего около тридцати плиток. Ясное дело, немногие из нас пробовали это лакомство, разве вот Вовка. Тот слопал целых полплитки, когда лежал в больнице, а половину отдал сестренке. Как сам признался: «Жалко было, даже рука не хотела протянуться отдавать – но отдал!» – и жутко гордился своим поступком.

Мы мысленно примеряли эту ситуацию на себя, и выходило, что тоже могли бы совершить такое. В наших глазах это было пусть не совсем геройство, но поступок. Торопили мы бабушку: что да как можно найти клад с помощью заветного цветка в колдовскую ночь.

Тормошили: расскажи да расскажи!

Усаживала нас бабуся вокруг себя, гладила по стриженным под ноль макушкам и неторопливо рассказывала:

– Цветок тот расцветает точно в канун полночи, как останется до её серединки минуток десять, он и успеет лепестки распушить и середочку распушить... А видно его издали, так как цветет он, как уголек, вот только сияния больше, уголек тот красный, а цветок папорота он светится да так, что и под луной его видно! Вот как засветился, тут, верное дело, не зевай, бери и рви да не забудь: срывать надо правой рукой, в ней праведности больше. Сорвешь, подуи на него легонько, пусть лепестки покружатся, и смело бросай вверх! Полетит тот цветок по воздуху, поспешай за ним: где опустится, там и кладу быть. Вот только перед тем, как завянуть да угаснуть, разлетятся лепестки, как мотыльки, погаснет да потускнеет их сияние, и кому какая судьба выпадет, кому какой лепесток достанется, тот и жизнь свою проживет и людям виден будет в таком цвете.

Жутко было, а вдруг черный лепесток достанется, что тогда?

– И черный лепесток тоже нужен; не ведаешь горя, как познаешь счастье? – успокаивала нас бабушка. – А самый главный среди них, конечно же, красный! Вот он и счастья, и любви до конца жизни полной мерой тебе отмерит.

Милая наивная бабушка!

В свои двенадцать лет имели мы весьма смутное и непростое понимание слова «любовь». Да чего там, проявляли интерес к противоположному полу. Вот только все девчонки были для

нас плаксами и задаваками. Нравилась мне одна девочка, да что там, влюблен я был в неё, что называется, на оба своих оттопыренных уха. Даже смотреть в её сторону спокойно не мог. Однажды насмелился и предложил донести из школы её портфель, а она отказалась. Пришлось стукнуть её по спине своей холщовой сумкой с книгами. От такого «комплимента» она упала в сугроб и, поднявшись, долго плакала. Я стоял и смотрел, и тоже заревел...

Получить красный лепесток нам никому не хотелось. Хотелось найти клад. Воображение щедро рисовало сундуки, полные драгоценных сверкающих камней, золотых монет, и всю эту грудю почему-то венчала царская корона.

Вот найдем, эх, и заживем!

Предупреждала бабуся: «Клад нужно растратить с умом! Пусть будет польза людям, нельзя клад тратить на себя, нельзя промотать как зря, не пойдет на пользу он ни тебе, ни твоим детям и внукам...»

«Да ладно, – соглашались мы с бабушкой. – Не будем тратить как попало...»

А сами горячо обсуждали, на что потратим свою долю клада. Как малы и жалки были наши мечты о счастливой жизни!

Вот скажите, если бы вам повезло найти клад, сопоставимый с сокровищами графа Монте-Кристо, что бы вы предприняли? «Ой, да только бы найти! А уж тут бы я развернулся!» Чего тут думать? Перечислять все мечтания современного человека – и десяти страниц не хватит.

Наши мечты были проще. Я вот думал: найду – пойду и сразу куплю себе килограмм конфет. Продавались такие конфеты в нашем сельском магазине слипшиеся, слегка посыпанные сахаром. Называли мы их «подушечки», формой они напоминали этот предмет для сна. Нет, прерывал я свои мысли, куплю два килограмма «подушечек»!

На таком накале наших мечтаний окончательно утвердились мы не спать в июльскую ночь, пойти и найти этот колдовской цветок. Надо ли говорить, что те два препятствия, что стояли перед нами для осуществления этой приключенческой авантюры, мы сумели изящно обойти. Первое: для поиска колдовского цветка нужно было ни много ни мало – семь человек, по числу лепестков. Нас, неразлучных друзей, было шестеро; ничего, привлечем Ваську, он давно пробовал затесаться в нашу компанию! Второе препятствие: нужно было улизнуть незаметным из дома, да ещё бродить неизвестно где далеко за полночь. Хотя второе препятствие было гораздо сложнее первого, его мы решили проще и быстрее.

Всю неделю до нужного дня мы были самыми примерными из всех сорванцов нашего села. Пожелания родителей, да и других старших в семье, выполнялись незамедлительно и без пререканий. Поэтому легко заработали ночевку в саду, где стояли две кровати, и крышей были только кроны яблонек. В августе спать там было не совсем ловко: созревшие антоновки довольно больно шлепались на наши сонные тела, заставляя соскакивать с постели. В начале июля нам это ещё не грозило, и самое малое, что мешало провалиться в крепкий сон – так это метеориты, иногда яркой полосой стремительно чертившие небо.

Сегодня нам было не до падающих звезд, да и желание у нас было одно: найти цветок, а уж он-то точно нам клад укажет! Сама судьба была благосклонна к нам в эту ночь!

У Васьки мать ушла в пекарню печь хлеб в ночную смену, а мы шестером смиренно лежали в саду на расстеленной по случаю многолюдности палатке. В половине одиннадцатого дружно откликнулись на пожелание «Спокойной ночи!» от проверившего нас отца и, убедившись, что окна дома не светятся, направились на поиски заветного цветка.

Подготовились мы к поиску клада основательно! Четыре лопаты, один лом, два мешка для переноски сокровищ. Вовка зачем-то припер даже кирку, валялась в сарае за ненадобностью. Осталась от деда, тот вволю помахал ею, дробя камни на золотых приисках. Все это снаряжение придало нашей экспедиции солидности и добавило уверенности, что клад точно достанется нам.

Экспедиция началась с того, что двинулись мы на поиски заветного цветка вверх по неглубокой, но шустрой речушке, протекающей в конце огородов. В этом был свой резон. Папоротник в наших краях рос только в одном месте.

В начале тридцатых годов соорудили селяне плотину. Разлившаяся вода дала жизнь березовой роще. В густой поросли черемухи да по зеленым полянкам росла эта ярко-зелёная трава.

А во-вторых, такая компания мальчишек с лопатами наперевес да в полночный час вызвала бы законное внимание со стороны взрослого населения. Поход за колдовским цветком мог закончиться, толком не начавшись.

Так или иначе, до плотины мы добрались без приключений. Вскарabкавшись на земляную насыпь, решили обогнуть зеркало воды слева. По какой-то неписаной традиции там, на левой стороне, купались девчонки. Так и называлась эта сторона – «девчоночья». Полная луна к тому времени выскользнула из-за тучки и волшебным цветом серебрила воду пруда. Красила низко склонившиеся ивы в темно-зеленый цвет, а каменистую дорожку под нашими ногами заливала пенным цветом, словно пух тополей устилал её, все ещё напоминая о начале лета. Тропинка довела почти до середины пруда, тут мы остановились как вкопанные. Звонкие колокольчики женского смеха зазвучали над водой.

Русалки! А кто ещё мог быть? Самое русалочье время... Пропали, совсем пропали! Быстренько попятились за ближайший раскидистый куст ивы. Короткое, но бурное совещание разбило кладоискателей на две группы: первая настаивала на обходе водохранилища по другому берегу, что неминуемо привело бы к потере времени, а вторая предлагала обойти коварных существ, уйдя левее, за горочку. Тут отличился Васька. Начитавшись книг о путешествиях Одиссея, предложил он пройти мимо русалок, используя тот трюк, что проделал храбрый предводитель Итаки. Идея была до скромности проста. Мы затыкаем себе уши и проносим его, связанного по рукам и ногам, мимо коварных бестий. Тут выяснилось, что уши затыкать было нечем, и веревок при поисках клада мы не предусмотрели. Все решили быстро и просто. Уши заткнули влажной и липкой глиной, а Ваську связали лентами, которые быстренько нарезали из мешка. Представьте состояние взрослых девушек, беспечно купающихся в теплую июльскую ночь...

Из-за кустов появляется непонятная группа людей: четверо несут кого-то, держа его за руки и за ноги. Спереди и сзади с лопатами наперевес идут ещё двое. Представили?

С громким визгом бросились наши «русалки» в воду, поднимая тучи брызг. Визг эхом прокатился над зеркалом воды и, отразившись от тополей, долетел даже до наших заклеенных глиной ушей. Задыхаясь в быстром беге, потащили мы Ваську дальше и, когда полностью выдохлись, брякнули на землю. Только мы выковыряли глину из ушей, тот изрек: «И никакие это не русалки! Это рыжая Зинка – продавщица с подружками купается, я узнал её по голосу!»

Мешка было жалко: сокровищ меньше с собой унесем.

Это ничего, в другое место перепрячем! Время поджимало...

Надо сказать, что Вовка стащил у отца карманные часы и, подсвечивая фонариком, мы могли следить за наступлением часа «икс».

В роще было заметно прохладней, сумрачней и под ногами захлюпала разлившаяся вода. Вперед, вперед к заветному месту, где растет папоротник! Вышли точно ближе к полуночи. Растянувшись жиденькой цепочкой, медленно побрели по поляне.

«Вот он!!!» – возглас Витьки, первым заметившим цветок, прозвучал, словно выстрел в ночной тиши. Мгновенно мы были возле него. Впереди, чуть ниже ажурных листьев папоротника, на фоне слабо чернеющего пня, мерцал слабенький голубоватый огонёк...

Вот он, какой волшебный цветок папоротника! Благоговейным шепотом, посоветовавшись, решили мы, что колдовской цветок сорву я. Спрятал зачем-то левую руку в карман, помня наставления бабушки: «А рвать его, цветок тот, нужно правой рукой! В ей больше праведности...», – потянулся я к пеньку.

Аккуратно раздвинув тоненькие стебельки папоротника, поднес руку к огоньку. Тот мигнул и, задев мои пальцы нежной стружкой воздуха, взлетел вверх.

«Всё, следите, куда полетел», – сорвался я с места. Задрал головы, спотыкаясь о кочки и траву, поспешили мы за огоньком. Тот и не думал вести нас к дальним кладам. Описав дугу, приземлился на противоположном краю поляны у кривой березы. Есть! Вот он, клад, где зарыт!

Почему никто из нас даже не подумал, что зарывать что-то в мокром месте никто и не станет? Так или иначе, дружная работа наших лопат привела к печальному результату: ямки мгновенно заполнялись водой, копать глубже было бессмысленно. Вот тут-то и выручила наблюдательность Вовки, указал он нам на довольно внушительную кучу камней, слева от березы. Всемером мы быстро раскидали камни.

Ни – че – го!

Впрочем, нет, вот он клад – заскорузлый сапог, самодельный, из старой растрескавшейся кожи. Подошва спереди отстала, ржавые остатки гвоздей напоминали зубы щуки.

Есть, есть! В голенище сапога прощупывался довольно объемный сверток. Стучаясь лбами, сгрудились мы в луче фонарика. Я осторожно вытащил его.

Ещё кожа, пропитанная дегтем. Этот запах был нам знаком, им смазывали оси телег, чтобы они не скрипели, и сапоги, так они не пропускали воду.

Перочинный ножик легко разрезал бечевку, которой был увязан сверток, и нашему нетерпению явился кисет из плотной материи. Там, на дне, угадывались круляшки монет. Разрезали веревочку, стягивающую горловину кисета.

В тугой рулончик были свиты деньги. ... Деньги!!! Деньги были большие, больше наших трешек и рублей, а больших купюр мы и не видели.

Деньги были красные, и на них был рисунок двуглавого орла. Царские деньги ...

Домой мы вернулись, слава богу, незамеченными. Полоска зари уже окрашивала восток горизонта, когда мы легли спать. Да что там, легли: просто попадали. И едва натянули на себя лоскутные одеяла, как провалились на дно самого глубокого сна.

Утром мы внимательней рассмотрели свою находку. Те деньги, на которых была изображена дородная женщина в короне и с палкой в руке, мы отложили в сторону. А вот красненькие, где было написано «100 рублей», поделили поровну. Получилось почти по тысяче рублей на брата.

Через неделю мать нашла остальные бумажки, «с бабой в пышном платье», так мы их называли между собой. Отец, держа «катеньки», так он их поименовал, устроил мне допрос, где взял, да откуда появились. Пришлось соврать: «Выменял на рыболовные крючки у мальчишек».

– Да, – посокрушался отец, – на эти деньжищи, можно было бы развернуться в тамошнее время!

– И шоколадку можно было купить? – любопытствовал я.

– Да что там шоколадку, хороший табун лошадей купили бы! – усмехнулся отец.

Эх, не в то время нам клад достался!

Годы, шелестя, словно осенние листья на сентябрьском ветру, пролетели незаметно.

В последнее время каждую теплую летнюю июльскую ночь выхожу я в ближайшую рощу и ищу заветный цветок папоротника. Вот только холодны наши июльские ночи. Нет в тех краях, где живу, маленького жучка – светлячка, что своим «фонариком» светит в ночной темноте, сообщая сородичам: «Вот он я!».

Так до сих пор и не нашел...

Вот только лепестки колдовского цветка моего детства покружились, покружились в ночной тьме и сели на наши плечи. Вон, Витьке, достался «разрыв лепесток», сварщик он классный, поискать таких мастеров! С любым железом на ты. Ваське – точно фиолетовый, лепесток

странствий, помотался он по свету, попутешествовал. Лёхе – зеленый, лепесток учености, а как же, академик, физик, лауреат чего-то там. Сереге – богатства, фирма своя, счет в банке, домина и машин куча. Анатолию, да что там! Анатолию Сергеевичу – лепесток славы; генерал он, хоть и в отставке, а мотается по воинским частям, молодых офицеров наставляет. Наград – груди не хватает, и Афган прошел, и в других горячих точках засветился.

Черный лепесток тоже не миновал нашей компании. Достался он Вовке. Вот уже как четыре года нет его с нами. Последние десять лет жизни он тяжело болел. Медленно и неотвратно умирал мозг, из крепыша-спортсмена, мастера спорта по борьбе превратился он в жалкого калеку, ребенок пальцем толкнет и упадет, даже костыли не помогут.

Мне достался красный лепесток. Лепесток любви. Счастлив я в кругу своей семьи, окружен заботой и вниманием любимой жены, дети и внуки души во мне не чают, как впрочем, и я в них. Наверное, и пыль с других лепестков колдовского цветка хоть немного да попала на меня. Я богат и не потому, что у меня много, а потому, что мне достаточно того, что есть. Путешествовал немало, ремесел имею больше, чем дюжину, образован и учен. Так что летит ещё по ветру мой волшебный цветок, цветет ярким светом. Верю я, когда отцветет, когда закончится его время, закружатся его лепестки и упадут на плечи оставшихся в этом мире. Пусть только черный лепесток, лепесток беды и несчастья, подхватит ветер и унесет прочь.

Ищите, ищите свой цветок папоротника.

Папоротники, или папоротниковидные растения ([битая ссылка] лат.*Polypodióphyta*) – [битая ссылка] отдел[битая ссылка] сосудистых растений, в который входят как современные папоротники, так и одни из древнейших [битая ссылка] высших растений, появившихся около 400 млн. лет назад. Современные папоротники – одни из немногих древнейших растений, сохранивших значительное разнообразие. Папоротники сильно различаются по размерам,[битая ссылка] жизненным формам, [битая ссылка] жизненным циклам, особенностями. У папоротников ещё нет настоящих [битая ссылка] листьев и цветов. Папоротники размножаются [битая ссылка] спорами и вегетативно (вайями, [битая ссылка] корневищами, [битая ссылка] почками, [битая ссылка] афлебиями и так далее).

Ловец шаровой молнии.

Петля горным серпантинном, судьба забросила меня в один из колхозов, расположенный в правобережной чаще Иртыша. Отвечал я за все энергетическое хозяйство. Признаюсь: по молодости да неопытности поначалу было страшновато, тем более, что в моем подчинении состояло двенадцать человек, половина из которых была старше меня вдвое. Знания, полученные в институте, а главное – умение ладить с людьми, которое я приобрел в студенческом коллективе за пять лет учебы, помогли мне наладить отношение с моими подчиненными.

А налаживать было чего.

В дни всенародного колхозного праздника – получки, закупали мои электрики десяток бутылок портвейна и выпивали их с нехитрой закуской. Пресекал я поначалу это действие. А как же? Сам я человек непьющий, да еще вроде как начальство над моими горе – выпивохами, да что толку? Стали они прятаться по всем щелям да углам обширного хозяйства, стали искать других собутыльников, а дойдя до только одним им известным кондициям пьянки, вылезали из этих щелей и попадались на глаза более высшему начальству. А оно, высшее начальство, неторопливо и обстоятельно снимало стружку с меня. Учись пресекать и все тут! Я и научился. Твердо договорившись «на сухом берегу» со своими подчиненными, стал давать в день выдачи денег незапланированные отгулы, конечно, не всем, а четверым особо отличившимся в этом деле электрикам.

Понятное дело, сам заступал на дежурство, да доставалось больше работы трезвой части коллектива. Признаюсь, мужички оценили частичную потерю моей начальственности и назавтра, хоть и с больной головой, появлялись на работе вовремя. Уговаривали меня поставить их

на менее подвижную работу – ремонт электроаппаратов в мастерской – и к обеду приходили в полную рабочую норму.

Вот здесь я и приступаю к основной части своего рассказа.

Послеобеденное время всегда спокойней суетливого утреннего развода. Просмотрел поступившие телефонные звонки, так, ничего серьезного, ни одной срочной заявки, прошел в ремонтное помещение. Там двое электриков, назовем их Александр и Юрий, разложив инструменты, осматривали и ремонтировали малогабаритные электродвигатели. По их чуть покрасневшим лицам да более громким голосам понял я, что поправили они свою головную боль и готовы нести трудовую вахту пополам с приятным разговором.

– Скажи, Сан Саныч, (несмотря на мою молодость, звали они меня по имени и отчеству, впрочем, как и я их) ты в науке больше нашего смыслишь, что из себя представляет шаровая молния? – обратился ко мне с таким вот научным вопросом Юрий.

– Да разные мнения, – стал я вспоминать все, что знал об этом загадочном явлении природы. Сгусток плазмы, с довольно мощным электромагнитным полем, которое его и сжимает, так сказать удерживает некоторое время в стабильном состоянии – ответ перерастал в короткую лекцию.

– Да зачем вам это знать? Эрудицию свою пополняете?

– Тут не эрудиция, а «ерундия» получается, – вступил в разговор старший и более обстоятельный в делах Александр Иванович.

– Сосед – пастух с утренней дойки приехал. Сутки своей смены отстоял, любопытные вещи рассказывает.

Пригнали они прошлым вечером коров на стан, что в Каменушке, сели под навес за стол ждать, когда доярок подвезут, делать больше нечего, дизель – генератор завели, там у нас, сам знаешь, электролиния не подходит. Тарахтит двигатель на малых оборотах, вот за шумом и не услышали грома надвигающейся грозы. Дождичек прошел так себе, чуть – чуть травку намочил, а молнии с громом порезвились на соседних горочках. Смотрят они: светится что-то в дальнем углу поляны, вроде как фонарик, яркий и круглый, свет только какой-то красноватый. Хотели пойти навстречу поближе разглядеть тот свет, да только тронулся тот «фонарик» по поляне, кусты огибает, ни листочка, ни веточки не заденет и все ближе и ближе к ним. «Фонарик» оказался почти круглым шариком величиной с кулак, серединка светилась ярче, а по краям вроде как искорки ссыпались, без дыма таяли в воздухе.

Пролетел шарик метрах в пяти около опешивших людей да и направился вдоль изгороди загона для коров. «Э, да он нам коров подпалит, – возмутился младший из пастухов, – давайте я его бичом щелкну?» «Я тебе щелкну, это же шаровая молния, она так щелкнет, что мало не покажется!» – урезонили его товарищи. А молния в это время отлетела от изгороди и, приподнявшись метра на два вверх, направилась к одинокой стройной, высокой пихте.

Не спеша дважды облетела дерево и направилась напрямиком в сторону навеса.

Электролампы, освещающие навес ночью, сами собой вспыхнули и горели все время, пока странная гостья летела вдоль их проводов, хотя никто не запускал генератор на полную мощность. Слегка пульсирующий красноватый шар поднырнул под крышу навеса и поплыл над столом, как бы осматривая алюминиевые кружки, костяшки разбросанного впопыхах домино, приблизился к мирно подыхающему дизелю. «Ну, все, сейчас рванет!» – испугался кто-то из пастухов.

Нет, обошлось. Молния тем временем направилась к вкопанным в землю кольям, на которых кверху дном просыхали и прокаливались на солнышке вымытые после утренней дойки фляги. Словно обнюхав одну за другой две фляги, шаровая молния остановилась над дном третьей, повисела с полминуты и опустилась на её дно.

Ободок, стягивающий донце фляги, мгновенно раскалился докрасна и стал светиться рубиновым светом. Потом, чуть потрескивая, стал остывать и все стихло.

Когда пастухи отошли от охватившей их оторопи, то стали делиться впечатлениями, и вот что интересно: пришли к мнению, что уж очень «разумно» вела себя необычайная гостья. Словно искала чего-то или любопытствовала, чего это тут есть у вас.

– Скажи Сан Саныч, может ли быть такое, шаровая молния и думает? – закончил свой рассказ Александр Иванович.

– Странностей в поведении шаровой молнии много, – задумчиво начал я свои объяснения. – Вот мой отец рассказывал, как он дважды наблюдал её, и оба раза, молния летела как бы по своей воле, выбирала путь, известный её одной. Отец сравнил её с собакой вынюхивающей чего-то.

– Выходит, не все учёные знают про этот «сгусток плазмы» или молчат, не говорят нам всего. Вот бы повстречаться с ней да за фотографировать, в научный журнал можно фото послать! – подвел итог нашей научной беседы Юра.

– Не советую, урезонил его я, опасно это, есть случаи, когда такие встречи заканчивались трагически.

Разговор этот позабылся, да только не всеми участниками нашей беседы.

Запала в голову Юрия шальная мысль: увидеть, а лучше сфотографировать шаровую молнию. Стал он носить с собой фотоаппарат, старенький, но надежный ФЭД. А когда разъезжал по участкам, то внимательно осматривал окрестности, особенно, если начинала собираться гроза.

Начало августа выдалось беспокойным. Часто налетали короткие шквальные ветры, бросали ветки на линии электропередач, схлестывали провода. Молнии раскалывали изоляторы, нежданной работы хватало. В один из дней при довольно безветренной погоде и слабой грозе вновь посетила нас шаровая молния. Заметили её водители, отвозившие зерно от комбайнов, и пять километров сопровождали, наблюдая, как она скользила вдоль линии электропередач. Летела со скоростью пешехода, изредка разгоняясь до десяти – двенадцати километров в час. Причем летела против слабого ветра, если отлетала в сторону от электрических проводов, то, словно вспомнив чего-то, сразу возвращалась назад. Долетела до села, порядком испугав бабу Веру, и «приземлилась» на трансформаторную будку. Трансформатор от визита такой гостьи сразу воспламенился, оставив на целые сутки полсела без электричества. Юрий горевал: он минут десять тому назад проезжал на своем мотороллере почти там же, где проследовала шаровая молния. Как настоящий исследователь, сделал он фотографии места аварии, пути следования огненного «шарика» и уверовал окончательно в «разуме» огненной стихии.

Но не даром в народе говорят: «Если сильно чего захочешь, то и получишь!» Через недельку, может и больше дней прошло, влетает в электроцех Юрий с чумовым выражением лица.

– Ну, восклицает с порога, считайте сегодня второй раз заново родился!

Поведал он нам свою историю. Пришел он домой на обед, мать похлопотала возле стола, тарелки, ложки, хлеб собрала. Сварила она в этот раз на обед сыночку отменный борщ со свежей капусткой да молодой свеклой. Поставила кастрюлю на буфет старинной работы сделанный из добротных и толстых досок да накрыла полотенцем, чтобы не так быстро остыл, а протомился до мягкости да приятного вкуса. Сел сорокалетний сыночек за стол и захотелось ему взбодрить аппетит хорошей рюмочкой водки. Пошел к холодильнику.

– Что-то мама жарковато сегодня у нас, – почувствовал он духоту в комнате.

– Так я, Юрочка, печку к зиме готовила, чистила, да подбеливала, вот решила посмотреть, хорошо ли топится, – отвечает мать.

Открывает сын форточку, достает из холодильника запотевшую бутылку водки, из буфета стакан, наливает и замечает кастрюлю под полотенцем. Поднимает крышку – аромат!

– С чем борщек?

– Так курочку для вкуса отварила, – с нежностью и любовью отвечает мать сыну.

И вот в такой идиллии садится Юрий за стол, пододвигает к себе граненый стаканчик с водкой, мать берется за половник, чтобы попотчевать сыночка отменным борщом, и тут раздаётся легкое потрескивание. В открытую форточку медленно и величаво, словно красуясь перед людьми, всплывает . . .

Правильно – шаровая молния!

Потом, когда в двадцатый раз Юрий пересказывал свою историю, сильно горевал, что не положил рядом с собой фотоаппарат. Далее произошло то, что резко изменило всю его дальнейшую жизнь. Огненно – красный с легкими переливами цвета шар, размером вдвое меньше волейбольного мяча, неторопливо проплыл вправо от стола, направляясь к холодильнику, затем, изменил свое направление и завис почти в полуметре от лица отпрянувшего Юрия.

Ох и долгой показались ему те секунды, когда вглядывался он в «лицо» чего?

Спрашивали мы его не раз, что он чувствовал, находясь на волосок от смерти?

Да ничего, вот только казалась, что смотрит на него кто-то могущественный до восхитительного ужаса, и как бы вопрос в голове возник: «Зачем звал?»,

Молния задержалась возле него всего-то секундочку, а затем качнулась в сторону стакана с водкой. Стакан мгновенно наполнился туманом, раздался хлюпающий звук и потрескивание стекла. Но шарик молнии на этом не успокоился, а двинулся к попятившейся женщине. Мать Юрия, закрывшись половником, пятилась назад, тихонько бормоча: «Кыш, кыш . . .»

«Шарик», послушался, двинулся к буфету и спокойно нырнул в кастрюлю с борщом.

Раздался взрыв, закричала мать, зазвенело в ушах. Картина открылась еще та. На потолке, стенах и печке повисли лохмотья капусты да алели пятна свеклы. Удивительное дело, кастрюля стоял на месте, вот только дно стало не плоское, а округлое как у туристского котелка да в толстой доске полки буфета образовалась вмятина сантиметра три глубиной.

Круглая такая вмятина и гладкая до зеркального блеска.

Юрий, видя наши изумленные физиономии, изрек:

– Нет, вы что хотите обо мне думайте, но это было разумное что-то, и водку выпило и закусило борщом, курицу мы потом так и не нашли, ни единой косточки, как будто её в кастрюле и не было!

Достает из кармана стакан, внутри покрыт густой сеткой трещин да зеленоватым оплавленным стеклом.

Жизнь его после этого события кардинально переменялась. Пить он перестал. Совсем перестал. Женился, хороший семьянин и работник. Вот только в семье бережно хранят гнутую кастрюлю да оплавленный огненной гостьей стакан

А может и правда, это разум, грозный и таинственный?

Радушный прием.

Там, где река делает крутой поворот, огибая каменистый горный кряж, стоит таежный поселок Пенное. Ещё триста лет назад облюбовали это место переселенцы-староверы. Понравилась оно им обширной долиной на правом берегу да рекой, стремительно сбегаящей вниз, огибая крутобокие валуны. В тайге водилась дичь, в реке – рыба, по сопкам – обильные выпаса да покосы. Так и жило село, плавно перетекая из века в век. Войны и революции докатывались до него и затихали точно так же, как речная пена в низовьях переката. Последняя война сильно поубавила мужское население, и если бы не нужда в древесине, замер бы и захирел поселок.

Нагнали после войны ссыльнопереселенцев, покачнулись кержацкие устои села. Частенько тянуло «табашным» дымком вдоль улицы и – совсем неслыханное дело – гуливали мужики, пили водку по несколько суток кряду! А что? Лесорубы – народ суровый: пьют, пока лица не станут мордами, да и цветом не сравнятся с иссиня-черной сталью их топоров.

Водку брали в магазине, который местный люд окрестил немудреным названием «Топорок». Владычествовала в этом заведении продавщица Варвара. В дни полочки, которые име-

новались в народе «День лесоруба», мужики были при деньгах, заходили вальяжно в магазин и бросали небрежно: «Варь, пару флаконов и мерзавчик!»

Мерзавчик – это на местном наречии чекушка, ну, а флакон, тот рангом повыше, пол-литра будет.

Деньги быстро кончались, чему немало способствовали и супруги неумных выпивох, каким-то своим, бабским, нюхом находя любую заначку. И вот тогда тихонечко, бочком протискивались похмельные страдалцы в магазин и заискивающе просили: «Ты, эт, Варвара Степановна, запиши на меня должок, с получки отдам...» Варвара вникала в положение и записывала в черный список за должником вожаемую бутылочку, но только одну.

Товарами магазин снабжался какой-то потребительской кооперацией.

Так и жил поселок: в будние дни лесорубы валили лес, по праздникам шумно гуляли. Вся история началась с того, что какой-то умник в отделе снабжения отправил в магазин немалую партию галстуков типа «бабочка». Ясное дело – в тайге лесорубу да без галстука – бабочки, ну никак! После того, как за неделю было продано ноль штук нелепого в этих краях товара, продавщица Варвара придумала беспроектный вариант реализации этого предмета гардероба джентльменов. Просто напяливала галстук на бутылку, тут хочешь – бери, а не хочешь – нужда заставит.

Если кто и думал «качнуть права», вынимала Варвара Степановна долговую тетрадь и стучала по обложке указательным пальцем. Лицо скандалиста, и так не обезображенное интеллектом, принимало ещё более умное выражение, и он, слабо ворча и чертыхаясь, удалялся из магазина с бутылкой, повенчанной галстуком.

Не знаю, кто первым додумался вешать эти галстуки на шею собакам, про то новейшая история поселка умалчивает.

Про собак надо сказать отдельно. Порода, которая прижилась и прекрасно чувствует себя в этих краях – лайка. Добродушно – пушистые псы серого окраса с белой грудью бродили летом улицами поселка по каким-то только им известным собачьим делам. Совсем другое дело – зимой! В таежном поселке ведь как? Мужчины через дом – либо рыбаки, либо охотники. В тайге зимой без лайки никак... Она и белку облает, и соболюшку на дерево загонит, а случись нужда, две псины запросто осадят медведя, намертво вцепившись в его «штаны», да что говорить, не раз спасали преданные лайки жизнь своих хозяев!

Да и ребятне – потеха, запрягут в санки собаку и катаются по улице.

Но сейчас во дворе лето, собаки не у дел...

И вот в это знойно-сонное летнее царство камнем брякнулась новость: едет в поселок большое начальство! Начальство было настолько большим, что даже киномеханика Василия Васильевича заставили писать приветственный плакат. А супругу его Зинаиду упростили встретить хлебом – солью высокого гостя. С хлебом и солью проблемы не возникло, а вот с нарядом Зинаиды вышла заминка. Ну, не было в поселке сарафана!

Тогда на импровизированном женском сходе решено было одеть Зинаиду в брючный костюм, а для колориту набросить на плечи пестрый цветастый платок, покрывали голову таким местными модницами в сильные морозы. И пока её супруг придумывал небольшой, но броский текст приветственного послания, одели Зиночку в костюмчик, набросили на плечи платок, а что? Издали, даже очень ничего смотрелось!

Наступил день, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор. Ближе к полудню выехал на площадь гусеничный тягач, который сопровождал когда-то черный, а теперь серый от пыли, начальственный лимузин.

Машина развернулась и замерла перед реденькой толпой встречающих.

Задняя дверка открылась и оттуда высунулась нога важного гостя в лакированном ботинке. Толпа замерла, так как лакированный ботинок медленно и неотвратимо опускался в нечаянно оставленную коровой лепешку...

Но обошлось, пассажир рассмотрел эту коварную мину, оставленную бродячей коровой, и благополучно приземлил свой штиблет в серую пыль рядышком.

Высокий гость оказался крепким коренастым мужчиной вовсе не страшного вида, а скорее даже простецкой внешности. Зафиксировал взглядом шедевр плакатной живописи завклуба: «Лесорубы, даешь сверхплановый лес!»

Зацепил взглядом Зиночку в цветастом платке, чуть поднял бровь на поднос, где красовался пышный каравай с солонкой наверху. Поднял вторую бровь, заметив сиротливо прислонившуюся к хлебной глыбе рюмку водки...

И тут его взгляд уперся в шеренгу лаек, которые тоже собрались со всего поселка, привлеченные небывалой людской суетой.

На белой груди у каждой красовался галстук – бабочка.

– Ну, вы, блин, и даете! Это уже явный перебор! – изрекло, фыркнув, начальство.

Богатых тоже стреляют.

Наверное, каждый из нас задавал себе вопрос: кто пишет анекдоты? Представляется эдакий сочинитель, в пестром костюме, с взлохмаченной шевелюрой, который, посмеиваясь, пишет на бумаге короткий рассказ, переслоенный юмором и озорной сатирой. Все не так. Анекдоты сочиняет сама жизнь. Остается взять её отдельные эпизоды и донести на ваш выскательный читательский суд.

Судьба моя, петляя по извилинам жизни, привела меня жить и работать в небольшое село. Как специалистам, моей семье выделили квартиру в доме на два хозяина. Была такая мода в сельском строительстве – в целях экономии целой стены, стыковали боковыми стенами два не самых больших домика и получали две квартиры под одной крышей. Соседями оказалась молодая пара: он механизатор, а она – учительница в местной школе.

В один из дней снарядились мы, две семьи, в город купить обновки, порадовать своих жен лимонадом да мороженым.

Надо сказать, что только что бесславно закончилась перестройка, и страна плавно въезжала в начало дикого капитализма.

Трещали по швам устои социализма, кто понаглее хапал себе куски народного добра и, опьяненный вседозволенностью и шальными деньгами, покупал дорогие автомашины, костюмы и кутил в ресторанах.

Мы, довольные выплаченной зарплатой, шли с Сергеем, так зовут моего соседа, мимо Дворца Металлургов, оставив своих благоверных в магазине «Элегант».

Наши жены, мудро рассудив, что толку от нас в выборе и покупке дамских туалетов не предвидится, выдали нам некую сумму денег для утоления жажды. Как раз хватило нам по паре баночек пива.

Сергей за неимением другой приличной одежды оделся в парадную «дембельскую» форму. Погоны он снял, а вот множество нагрудных знаков и значков оставил. Я утолял свое любопытство, выпытывал значение того или иного знака. По всем воинским статьям выходило, что был мой попутчик особым солдатом. Лучше других стрелял, более метко бросал гранату, вообще был, как говорят, отличник боевой, политической и физической подготовки.

Подходим мы с ним к перекрестку. Две девушки на зеленый свет спокойно переходят его по обозначенной «зебре». Вдруг, прямо на них – черный джип с «наворотами».

От резкого квакающего сигнала шарахнулись в сторону девчонки, одна упала, подвернув ногу. Такого наш отличник боевой и политической просто стерпеть не мог.

– Вот гады!

С этими словами привычным таким метким армейским движением, словно гранату, метнул банку с пивом под колеса джипа. И тут же быстро и аккуратно лег на землю ногами к эпицентру взрыва. Дикая визг покрышек резко тормозящего автомобиля отшвырнул меня к стене дома.

Не успел еще автомобиль, развернувшись, остановиться, как из него стали выскакивать ребята в дорогах, пятисот долларовых костюмах и так же быстренько укладываться на землю ногами к эпицентру взрыва, бережно закрывая голову руками!

Рванул я Сергея за руку и минут десять мы с ним, задыхаясь от быстрого бега, петляли по проходным дворам. А в ушах чудился сзади топот башмаков на качественной платформе.

– Да, отдышавшись, сказал Серега, – хоть и хорошо живут, но в страхе!

Кладбищенский сторож.

Прибегает сосед, это тот, что справа от меня живет. Да знаете вы его, все его знают – Серёга «Самodelкин». Глянул я на него – идея поперек лица так и светится.

– Саня, а ты знаешь, что сторожем на кладбище сейчас Витька?

– Серёга, ты чего сегодня пил?! – я впал в легкий ступор.

– Да не пил я сегодня! У бабы Лены с антенной возился. Пару часов промучился, всего-то стакан самогонки выпил и то за три подхода.

– Теперь понятно....

– Да ничего тебе не понятно! – перебил меня Серёга, – бабка Лена говорит, что те, кого хоронят последним, они и сторожат кладбище! Давай посмотрим, точно он, Витька, сторожит?

– Ты что, хочешь ночью на кладбище сидеть?! – изумился я.

– Зачем сидеть? Мы твою видеокамеру приспособим и снимем всё....

– Ночью, в темноте? Да и кассета рассчитана на полтора часа всего. Да и снимать, кто будет?

– А вот тут я все додумал! У меня есть прибор ночного видения, с танка кто-то его спер. Мне за бутылку достался. Аккумулятор приспособим, камеру к прибору приладим, все испытаем и установим.

– А видеокамеру включать, кто будет? Сторож на кладбище?

– У тебя же «Панасоник»? Он сам выключается, как пленка кончится, сразу и выключится. А включим мы её будильником!

Припоминаете: были круглые будильники, такие, наверное, только у бабушек и остались, там ещё прикольные две заводные ручки, сзади есть. Ну, вспоминайте. Вспоминайте!

Вот «Самodelкин» и удумал: ставим будильник на нужное время, как только он затарахтит, ручка провернется и включит камеру на запись. Так вот пока он там все это прилаживает да прикручивает, я вам расскажу кто такой Витька. Точнее был, кто такой.... Похоронили его пять дней назад.

Витька – был простой деревенский охломон! Где он работал? Да где он только не работал! И пастухом, пару дней, и скотником на ферме, целый месяц, и на посевной....

Нет, он не был не лентяем, просто так вот и сложилось у него с работой. Не сошлись они с ней характерами! Зато по части всяческих приключений (чуть не написал: на собственную попу) он был непревзойденный мастер.

Начнем с того, что из досок смастерил Витка лодку и катал девчонок по деревенскому пруду. Туда же запустил мальков карпа и ревностно следил, что бы никто их не ловил.

В распадках горки, что вблизи села, посадил пару десятков саженцев яблони и дурманящий аромат, цветущей метелью, наплывал на дома теплыми майскими вечерами. Была у него ещё одна страсть – мотоцикл. И не простой, а настоящий крутяк – «Ява»! Гонял он на ней классно. А так как прав на вождение у него отродясь не водилось, то он приляпал сзади табличку: «Привет ГАИ», чем изрядно достал последних.

«Гайцы» считали своим долгом погоняться за Витькой пару раз в неделю. Не знаю, с чего они так, толи его тренировали, толи себя, так сказать адреналина для.

В трудную минуту погони, Витька проделывал коронный трюк – сворачивал на плотину. Узкая тропинка, с одной стороны – плещется вода, а с другой круча обрыва. Ему то что, уйдет от погони. Но однажды, менты устроили настоящий облом нашему Витьку. Достал он их кон-

кретно! Один экипаж загнал Витька на плотину, а другой уже дежурил с противоположной стороны. Представляю, какие у них были лица, когда Витёк, не раздумывая, направил мотоцикл влево. А там круча, такая что кувыркнуться и сломать себе шею, раз плюнуть. Долго потом пересказывали славные работники полосатой палки и свистка, как Витька лег на сиденье мотоцикла головой назад и юзом врезался в кусты. Крутанул ручку газа, да и продрался через чашу.

Умер он от оторвавшегося тромба.

Ночью, в огороде, мы проверили творение рук «Самоделкина». Камера исправно включалась – пластмассовая палочка, примотанная к ручке будильника, плавно нажимала на нужную кнопку. Питания аккумулятора вполне хватало на прибор ночного видения. И то, как мы кривлялись, махали руками перед объективом, камера исправно отсняла.

В завтрашний вечер, приладили мы всю эту громоздкую аппаратуру у свежей могилы. Приладили хорошо: видно было и аллею, и оградку, памятник заваленный венками. Только камера «стреляла» сантиметров на тридцать выше могильного холмика.

Установили время: десять ноль-ноль. Что кто-то унесет дорогостоящую видеокамеру, мы не боялись. Весь наш агрегат был замаскирован в кустах, да и кто ночью пойдет на кладбище?!

Утром, за полчаса до работы ко мне прибежал Серёга, он рано утром, снял камеру и просмотрел запись.

– Есть! Но только не понять что это! Посмотри сам.

Посмотрел. В темно-зеленом свете, угадывались деревья по бокам аллеи, чуть посветлело, когда луна повисла над горизонтом. Серёга перемотал пленку назад:

– Вот, смотри, чуток назад, отмотаем. . . . – потрогал он кнопки.

Та же аллея, чуть видна оградка и темные силуэты венков на памятнике. Только вот – что это? Слабое, но явное свечение внизу кадра в том месте, где могильный холмик. И вот – раз и промелькнуло, светлым пятнышком. Интересно! Интересно и немного тревожно – что это?!

– Видел? Ты это видел?! Это он сторожить отправился! Давай сегодня снова камеру поставим, но уже на пол одиннадцатого!

– Давай, ставим снова, только чуть ниже камеру наклоним.

– Нет, сильно низко нельзя, вход из кладбища не будет видно. Если Витька сторожем назначен, он должен ходить там, возле входа.

Вторая ночь дежурства нашей камеры принесла ещё больший сюрприз.

Утром, теперь уже я сам снял видеокамеру и внимательно смотрел сделанную ею ночную запись. Вот что ей удалось заснять:

Луна поднялась довольно высоко – камера включилась в пол одиннадцатого ночи. Все было, как и вчера – та же аллея, залитая тёмно-зеленым светом, так же видны были контуры венков и прутья ограды. Пришлось прервать просмотр – пришел Серёга, весь в нетерпении и волнении.

– Заснялось, что ни будь? – он навис у меня над плечом.

– Пока ничего. Да и посмотрел я, может половину пленки, давай дальше, только ты под ухом не пыхти!

Минут десять камера фиксировала тихую кладбищенскую идиллию. И вот оно – снова свечение внизу кадра, там, где земля холмика.

– Смотри, смотри! Оно точно движется, видишь, остановилось у венка.

Все случилось так неожиданно и странно, что мы даже отпрянули от экрана видеокамеры. Яркий, почти светящийся силуэт поднялся снизу от земли и замер почти в центре кадра.

На что он был похож? На маленького человечка, вот голова, плечи, даже руки угадывались. Ростом эта зелень, была чуть больше ребенка, двигалась рывками, суетливо, да и двигалась, ли? Казалось – «оно» просто поправило венок и не спеша ушло вниз, словно втянулось обратно в могильный холмик. И вот – снова, но уже у другого, противоположного, венка! Вон,

даже плечи опущены и голова какая-то словно непричесанная. Привидение снова поправило венки и обратно нырнуло под землю. А вот и нет! Слабое свечение внизу обреза кадра переместилось к памятнику и застыло там, легким светлым облачком. Всё, в камере кончилась пленка.

Тут уже я засуетился. Такое увидеть! Прежде всего, отмотали к началу, туда, где видно было этого «сторожа». Подключили камеру к телевизору: может, на большом экране будут видны отдельные детали. Нет, никаких подробностей мы не углядели, разве что рост определили точнее.

– Права была баба Лена, вот он – сторож! Это Витькина душа вышла кладбище охранять! Давай, ещё фотографировать будем?

– Нет, никакого сторожа! Ты сам подумай, если это душа, то чему там светится?

– Не скажи! Видишь – оно движется? Венки перевесила? Ну, поправила... Ты сам видел, как их трогала.

– Серёга, погоди, не тарыхти! Это привидение вполне разумное. Видишь, оно не ушло от могилы. Понять бы, откуда оно взялось и куда делось!

– Так давай, ещё снимать будем! Вон, эти кадры на компьютер перенесем и пленку заново запишем.

– Нет, мы сделаем проще, пойдем сами и все посмотрим.

– Да ты чё?! Страшно...

– Пойдем вдвоем, ружьё с собой прихватим.

– Да где ты его возьмешь? – удивился «Самоделкин».

– У Бориса выпросим, у него и билет охотничий и ружьё есть.

– Страшно, всю ночь сидеть там.

– Да мы долго и сидеть не будем, до двенадцати и домой. Фонари возьмем, ружьё, да и согреться чего.

– Согреться взять надо! И для храбрости, тоже соточку принять неплохо! – сразу прибодрился Серёга.

Пока он возился, перенося информацию на компьютер, я, направился к Борису. Тот внимательно выслушал меня и категорически отказался дать ружьё. Но заметив промелькнувшее на моем лице недоумение, рассмеялся и успокоил:

– Да разве я брошу вас в такой авантюре! Сегодня, в полдесятого, пока не стемнело, я буду у вас. Привидение, что засняли, покажите?

Борис, просмотрев наше кино, так изумился, что поставил в угол ружьё и, сняв патронташ, попросил прокрутить видеозапись снова. Пока он смотрел, вставляя комментарии по поводу размера и характера движений привидения, Самоделкин, появился возле нас излучающий каменную уверенность.

– Вот, смотрите, что я принес! – Серёга, протянул на ладони какие-то серенькие кусочки.

– Что это?

– Серебро. Я с электрических контактов нарубил, зарядим в патрон, ни одно привидение, ни один призрак не устоит!

– Ну, Самоделкин! Ты у нас прямо спец по призракам! Ты бы ещё святую воду приволок!

– Да чего ты Саня к нему прицепился! Видишь, старается, Серёга, думает, как нам подстрелить этого призрака.

– Ладно, сделайте что хотите, только друг друга этим серебром не перестреляйте.

Вот такая, полусумасшедшая троица, направилась напрямиком на кладбище. Что бы не было так скучно, а если на прямую, да по секрету – не было так страшно, взяли и напиток. Для храбрости. Не, немного взяли – я не пью, разве так, за компанию, в праздники, и то самую малость. Всего две бутылки, крепленого вина, взяли.

Пришли засветло, летом темнеет поздно, к одиннадцати часам. А до темноты, мы успели расположиться неподалеку от могилы. Место выбирал Борис. Обзор, удобство для стрельбы...

Не скрою, место было хорошее и для съемки. Самоделкин тоже не возражал – столик и скамейка способствовали этому. Пока мы выбирали место, настраивали аппаратуру, даже ружье зарядили – серебряной дробью, незаметно стемнело.

Луна только показала свой краешек из-за горочки. Слабый ветерок, шуршал листвой, нагоняя горьковатый тополиный запах. Село затихало, изредка тьякали собаки, словно переговариваясь в ночной тиши. Мои охотники за привидениями, опустошив одну бутылку, заметно повеселели и почувствовали себя храбрее, что не скажешь обо мне.

А вот вы сами попробуйте в сгущающихся сумерках, сидя рядом с могилами, да в окружении крестов и памятников, ждать неизвестно что. И самое главное – это неизвестно «что», вполне материально! А что может ещё снять видеокамера?

Признаюсь – в это время я даже немного стал верить во всякие призраки и привидения.

Самоделкин, с Борисом, принялись за вторую бутылку, и мне самому пришлось поглядывать на экран прибора ночного видения.

И – вот оно! Яркое пятно, размытое кустарником, быстро переместилось по экрану прибора.

– Есть! Вот здесь, появилось! – тихо окликнул я охотников.

Борис, схватился за ружье, Самоделкин, прилип к экрану прибора.

– Где?! Не вижу... – свистящим шепотом спросил он у меня.

– Теперь, смотри у Витькиной могилы – я медленно развернул прибор в нужном направлении.

– Ого! Смотрите, какая жуть! – он отпрянул в сторону.

Я прильнул к экрану. Ярким зеленым пятном, на могильном холмике, светилось нечто непонятное. Это было похоже на закорючку, да ещё подпертую внизу.

– Не стреляй! – остановил я Бориса, услышав щелчок взводимого курка.

Привидение, тоже услышало этот звук и подпрыгнуло на могильном холмике.

Что-то очень знакомое почудилось мне в этом порывистом движении.

– Серёга, давай свет!

Самоделкин, схватил со столика мощный фонарь и направил свет на свежую Витькину могилу. Два ярких огонька вспыхнувшие в ответ, были настолько неожиданны, что Сергей выронил фонарь. Свет погас, и темнота обрушилась на нас.

– Спокойно! – успокоил я своих партнеров, – Самоделкин, ищи фонарик, оно все ещё рядом с могилой.

– Саня, оно, что там делает? – Борис, не расставаясь с ружьем, заглядывал через моё плечо на экран прибора.

– Стоит, словно маленький человечек стал на колени, вот смотри – голова, плечи, ног только не видно...

– Я фонарик нашёл, – сообщил нам Серёга.

– Давай, посвети на могилу, но только тогда когда я скажу. Мы отойдем в сторону.

– Да ты что?! Я боюсь! – жался к нам Сергей.

– Ладно, потихоньку, идем все вместе.

Мы стали красться, обходя могилу справа, и приближаясь к ней.

– Свет! – скомандовал я Сергею.

Яркий свет выхватил прутья ограды, венки, желтую глину могильного холмика и на ней – сидящую собаку.

– Это же Джек! Витькина собака, он к нему пришел, вот молодец! – восхитился Самоделкин.

– Джек, Джек, фьють, фьють – позвал он собаке.

Пёс забеспокоился, потряс головой, смешно разбрасывая по сторонам висячие уши, и боязливо отошёл в сторону.

– Идем домой, – я взял камеру и прибор, Сергей с Борисом, тяжелый аккумулятор и мы направились к выходу. Отойдя метров на двадцать, оглянулись. В свете фонарика, у ворот кладбища сидел «сторож», верный пес – Джек и смотрел нам в след.

На мгновение мне, материалисту до мозга костей, показалось, что он просто присел у ног своего хозяина, которого похоронили неделю назад.

Рывок вперед.

Вот не могу отделаться от какого-то липко-суетливого и немного пакостного чувства, что осталось от перестройки! Как только началась она, родимая, так и закрутила, завертела, словно нитки в пеньковой верёвке. А как же: всем захотелось денег много и сразу!

Ну а я что, лысый?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.